

УДК 81'38 (811.161.1+811.112+811.162.1)

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА И АНТИКУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале текстов русского, польского и немецкого сегментов Интернета)¹

Тамара Юрьевна Вавилина

к. филол. н., доцент, зав. кафедрой немецкой филологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. vavilina@psu.ru

Валерий Александрович Мишланов

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой речевой коммуникации

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. vmishlanov@yandex.ru

Яцек Шиморек

старший преподаватель кафедры речевой коммуникации

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. jacekszymorek@gmail.com

В статье предпринята попытка решения двух теоретически значимых задач: 1) в контексте концепций современного речеведения и стилистики уточнены понятия речевой культуры и антикультуры; показано, что фатические речевые жанры, в отличие от информативных, могут быть контрастными, противоположными по коммуникативным целям, и для реализации этих целей в каждом языке формируется особая «грамматика вежливости»; 2) рассмотрены коммуникативно-речевые особенности текстов современного киберпространства, в которых в той или иной степени проявляется враждебность и речевая агрессия; описаны тематические сферы, способствующие реализации речевой агрессии; сопоставлены языковые средства и коммуникативные приемы выражения враждебности, используемые в русском, польском и немецком сегментах Интернета.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; культура речи; речевая антикультура; дискурс враждебности; экстремизм.

Статья посвящена теме, имеющей особую актуальность не только в лингвистике (в теории речевой коммуникации), но и в жизни современного общества, отличительной чертой которого, как известно, является отсутствие сколь-нибудь существенных информационных барьеров и, как следствие, необычайно активное межкультурное взаимодействие, размывающее границы между различными лингвокультурами. Глобализация в лингвокультурном плане – явление объективное, как бы к нему ни относиться. Тем не менее последствия некоторых негативных изменений в современной речевой коммуникации, связанных с Интернетом, могут и должны быть минимизированы в цивилизованном обществе, для чего требуется участие не только обще-

ственных организаций и СМИ, но и институтов власти, которые, опираясь на разумное законодательство, могли бы блокировать в киберпространстве социально опасные информационные потоки.

В любом языке формируется своя «грамматика вежливости» (термин этот, по-видимому, ввел в употребление Р.Хуца [Huszczka 1980]), или функционально-семантическое поле «гоноративности» (от лат *honor* – ‘честь, почитание’), содержащее как универсальные черты (общие для всех или для большинства лингвокультур, по крайней мере, внутри европейской цивилизации), так и этнически особенные признаки, отражающие порой весьма древние, коренящиеся в мифологии стереотипы мышления (мировоззре-

ния) и поэтического восприятия мира вне и внутри человека.

Известно, в частности, что в каждой лингвокультуре сложились определенные правила общения в тех или иных коммуникативных ситуациях, называемые обычно **речевым этикетом** (например, этикет официального письма, делового разговора, светской беседы, телефонного разговора и т.п.). Так, в ситуации официальной вежливости (противопоставленной некоторыми признаками неофициальной вежливости, сердечной вежливости, фамильярности, амикошонству, невежливости и т.д.) польский язык использует так называемые отстраненные дейктики 2-го лица, т.е., условно говоря, формы 3-го лица – существительные с общим значением ‘господин’ (*pan, pani, panowie, państwo*) и ряд других нарицательных имен, обозначающих лиц² (об истории формирования и развития этих форм см.: [Łoś 1916]). Некоторые исследователи трактуют подобные формы как своего рода местоимения 2-го л., или как «прономинальные существительные» в дейктической функции [Doroszewski 1968: 47; Huszcza 1980: 178–179; Stone 1981: 40], для чего, как представляется, достаточных оснований нет: отстраненные дейктики 2-го лица (*mój gościn, szanowny pan*) или 1-го лица (*twój rab, wasz przedанный слуга* и под.), в отличие от местоимений, сохраняют в той или иной мере семантику исходного существительного и в функции подлежащего требуют от сказуемого формы 3-го лица (подробнее см.: [Мишланов 2000: 36–37]).

Нет сомнения, что правила речевого этикета тесно связаны со свойственными данному этносу ценностными приоритетами. В узком смысле речевой этикет – это правила (максимы) вежливого общения, не распространяющиеся на ситуации дружеского, семейного, фамильярного общения, однако и для последних существуют определенные стереотипы, игнорирование которых ведет к сбоям в коммуникации (к недостижению ее целей).

Речевая культура – это, конечно, не только образцовое владение литературным языком и речевыми нормами (включая нормы этикета). Это еще и умение, и готовность ставить на первое место интересы собеседника, его делать центром эмпатии, оставляя для себя вторую или даже третью позицию.

«Грамматика вежливости» складывается в каждом языке для обеспечения фатической функции языка, которая в современном языкознании трактуется шире, чем прежде. По мысли Р.О.Якобсона, к этой функции имеют отношения языковые выражения, основное назначение ко-

торых – установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи... Эта направленность на контакт... осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых – поддержание коммуникации» [Якобсон 1975: 201]. Дело не только в том, что даже сугубо информативные речевые жанры (научные тексты, официально-деловые документы) кому-то адресуются и автор должен оформить сообщение так, чтобы адресат имел шансы идентифицировать текст как посланный именно ему, но в том, главным образом, что текстов, создаваемых и воспринимаемых только для духовного общения, гораздо больше, чем было принято считать. Человек часто вступает в речевой контакт с кем-либо не столько для установления истины (получения достоверной информации о мире) или побуждения адресата к действию, сколько для того, чтобы вступить с ним в духовную связь.

Л.Н.Мурзин полагал, что «фатическое поле языка» содержит то, что создает «ауру» высказывания, благодаря которой текст включается в культурное (духовное) пространство [Мурзин 1998: 11–12]. Для этих целей язык использует самые разные языковые средства (из которых собственно фатические образуют лишь незначительную часть): в первую очередь субъективно-оценочные слова, а также слова и выражения, имеющие в языковом сознании этноса особый нравственный и эстетический потенциал. Фатика есть глобальная цель языковой коммуникации, даже если речевое произведение представляется сугубо информативным; точнее говоря, фатика – это и цель, и средство человеческого общения, ибо, повторим, наши слова в обычном разговоре, как и поэтические строки или инвективы, не столько информируют о чем-то, сколько соединяют (или разъединяют) сердца и души [Мишланов 2002: 126].

Фатическая функция делает по-настоящему человеческими все иные функции языка. Именно в этой функции более всего проявляется человеческая сущность языка.

Итак, всякое общение одновременно в той или иной мере информативно и фатично, и любой речевой жанр расположен в определенной зоне шкалы между информативным и фатическим полюсами, в том числе и такие сугубо фатические жанры, как приветствие, прощание и т.п., которые, как показал Е.Гродзиньски, заключают определенное информативное содержание [Grodziński 1977: 306–307].

Таким образом, фатические жанры, в отличие от информативных, могут быть контрастными, противоположными по коммуникативным целям, иначе говоря, направленными либо на сохранение духовных связей, поддержание атмосферы сердечности или вежливости, либо на разрыв отношений, сопровождаемый в той или иной мере проявлением враждебности, речевой агрессии.

Именно в области фатической коммуникации, как представляется, сосредоточены те языковые и речевые явления, которые образуют ядро «грамматики вежливости» и, наряду с категориями языковой нормы и узуса, определяют содержание понятия *речевая культура*.

Это понятие неоднородно и весьма сложным образом соотносено с некоторыми другими категориями стилистики и лингвокультурологии. Так, Н.И.Толстой, разграничивая разновидности (формы) национального языка, опирается на типологию культуры: литературный язык он ставит в соответствие с *элитарной* культурой, территориальные диалекты – с *народной* культурой, городское просторечие – с *промежуточной* культурой, а жаргоны – с *традиционно-профессиональной* культурой [Толстой 1991]. О.Б.Сиротина выделила в современном русском лингвокультурном пространстве 5 типов (уровней) речевой культуры, учитывая особенности функционирования языка в разных социумах и степень соответствия выработанных в них или иных культурно-речевых сообществах правил общения нормам кодифицированного литературного языка и образцового речевого этикета, а именно: *полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный, литературно-жаргонизирующий* и *обиходный* типы [Сиротина 2000].

Полагаем, однако, что, во-первых, связь уровней речевой культуры с основными формами существования национального русского языка не носит характера жесткой корреляции, а во-вторых, степень владения нормами литературного языка является необходимым, но недостаточным признаком: другим типологически релевантным признаком являются ценностные ориентиры носителей той или иной разновидности языка. Мы пришли, в частности, к выводу, что во всяком лингвокультурном пространстве имеется не менее четырех основных уровней речевой культуры: *элитарная речевая культура, массовая речевая культура, речевая субкультура* (которая в некоторых случаях может быть осмыслена как *нулевая культура речи*) и по-особому выделяемая *речевая антикультура*.

Элитарная речевая культура вписана, так сказать, в высшую культуру поведения, предполагающую и широкую образованность, аристократическую воспитанность, тонкий эстетический вкус и высокую нравственность (ориентацию на позитивные эстетические и моральные ценности). Элитарная речевая культура не допускает отступления (без специального стилистического задания) от образцовых норм (даже если тот или иной языковой вариант разрешен современными словарями, как в случае с *творог – творог*). Представитель этой группы носителей языка предпочтет сказать *акушёр* (давно устаревший вариант), но не смирится с *кофе* среднего рода или с *обеспечение* (вариант, допущенный одним из словарей, вероятно, из соображений политкорректности) и уж точно не употребит старославянизм *довлеть* в значении ‘тяготеть’, возникшем из-за ошибочного сближения со словами *давить, давление* (ср.: *Над ними довлеет советское прошлое*), но только в старом значении (‘быть достаточным’) и с исконным управлением (ср. церк.-слав.: *Довлеет дневи злоба его – [Каждому] дню хватает его заботы*).

Представитель элитарной речевой культуры – не пурист, конечно. В принципе он владеет всеми регистрами языка и может – в зависимости от коммуникативных условий и стилистических задач – перейти на уровень просторечия или социального диалекта.

Большая часть образованных носителей языка (но, по-видимому, меньшая в сопоставлении с носителями городского просторечия и территориальных диалектов) может быть определена как владеющая **массовой («средней») речевой культурой** (в речи представителей этой группы встречаются чаще варианты младшей нормы, старые формы употребляются с ошибками (*всем и вся; Довлеет азарту натура моя порочная, авантюрам довлеет* вместо ожидаемого *Довлеет азарт натуре моей порочной*)).

Подчеркнем, однако, что в этом случае мы значительно сужаем понятие *речевая культура*, ограничивая его соотносением единственно с категорией литературной нормы. Но если исходить из того, что «вербальная коммуникация – это прежде всего взаимодействие людей, осуществляемое поступками в форме высказываний (текстов)» [Салимовский 2011: 43], что «поступок, в том числе речевой, есть действие, которое выражает отношение человека к другим людям, к моральным нормам» [Рубинштейн 2002; Салимовский 2011], – если учитывать это, то стоит признать, что, во-первых, владеющие (в целом) кодифицированной нормой способны преступать

не только нормы нравственности, но и нормы закона (порождая в полном соответствии с кодифицированными нормами русского языка и пользуясь разнообразными риторическими средствами конфликтогенные тексты), а во-вторых, владеющие только узусом просторечия или говора могут быть в речевом общении на аристократической высоте.

«Поэтому этическое содержание речевых поступков отнюдь не является периферийным элементом содержания высказывания как единицы речевого взаимодействия и не должно, очевидно, составлять периферию проблематики вербальной коммуникации. Семантика речевого поступка определяется мотивационной и целевой подплекой высказывания, которая, в свою очередь, обусловлена ценностями говорящего как критерием его интенций и целей» [Салимовский 2011: 43].

Без учета нравственной и поведенческой составляющих речевого взаимодействия носителей городского просторечия и территориальных диалектов, очевидно, следует отнести к представителям **речевой субкультуры**. В лингвокультурологическом плане речевая субкультура соотносима, на наш взгляд, с субкультурой площади, балагана, скоморошества, с культурой, корнями уходящей в язычество (с народной культурой, по Н.И. Толстому). К речевой субкультуре, по видимому, следует отнести и социальные диалекты, или жаргоны (молодежный сленг, жаргон программистов и т.п.).

Речевая субкультура покидает пространство культуры (переходя в пространство «речевой стихии»), если реализуется в коммуникативных условиях, требующих строгого соблюдения кодифицированных норм. Полагаем, однако, что в этом случае нужно говорить не об антикультуре, а об отсутствии речевой культуры (о нулевой культуре речи). При этом, подчеркнем, данная оценка неприемлема для носителей городского просторечия и говоров в типичных условиях общения, поскольку в сфере обиходно-бытового общения речевая культура базируется не на норме, а на узусе, а функционально-семантическое поле «гоноративности» реализовано определенным образом и в просторечной (или диалектной) грамматике вежливости (в соответствии с которой, например, вместо слова *есть* следует употреблять глагол *кушать*).

Но что следует разуметь под термином *речевая антикультура*? В какой момент, в каких условиях, под действием каких коммуникативных факторов культура речи (будь то субкульту-

ра или массовая и даже элитарная культура) становится своей противоположностью?

Вряд ли мы вправе интерпретировать чью-либо речевую деятельность (какими бы безграмотными ни были тексты, появляющиеся в ее результате) как проявление речевой антикультуры, если не расширим трактовку понятия культуры речи, сопрягая его с аксиологическими категориями. Подчеркнем, что культура (духовная культура) в любом этносе и социуме внутри этноса есть феномен, определенно связанный с ценностями – этическими, прагматическими, гедонистическими или эстетическими.

Речевое общение превращается в явление антикультуры, очевидно, тогда, когда порождаемый текст становится частью действия (поступка, деяния, говоря юридическим языком), вторгающегося в чью-то суверенную зону). Речевая антикультура возникает там, где вербальное взаимодействие регулируется нормами, возникшими на основе тех или иных антиценностей [Салимовский 2011]. Так, частушки, исполняемые перед многолюдной толпой, перестают быть явлением народной культуры (речевой субкультуры), если изобилуют обценными словами и непристойностями в содержании, так как в нашей духовной культуре явления, характеризующиеся словами *потешный* и *похабный*, этически и эстетически противопоставлены, а похабщина в присутствии детей и женщин для нормального человека, без сомнения, есть антиценность и антикультура.

«В аксиологическом отношении речевая антикультура – это вербальная объективация антиценностей ... Особое место среди антиценностей занимает *враждебность*» [Мишланов, Салимовский 2006: 57], поскольку она, заключая в себе эмоции гнева, отвращения и презрения, находит выход в агрессивных действиях, направленных на причинение вреда другому человеку [Изард 2002], и тем самым непосредственно соотнесена с этической категорией *зла*.

Итак, отнесем исторически сложившиеся правила речевого общения, мотивированного некоторыми общественно полезными целями и положительными интенциями (в принятой в данном этносе, социуме, системе ценностей), к явлениям **речевой культуры** (или **субкультуры** – в сфере просторечия и диалектов). Речевое общение (взаимодействие или одностороннее воздействие), мотивированное социальной или бытовой враждебностью, следует определить как **речевую антикультуру**.

И социальная, и бытовая враждебность порождают речевую агрессию, имеющую, однако, различные коммуникативные цели:

– нанесение максимального нравственного ущерба, оскорбление адресата речи (как конкретной личности или как представителя социальной группы)

– либо разрыв духовной связи, отчуждение (в случае с бытовой враждебностью).

В недалеком пока еще прошлом (до эры Интернета) речевая враждебность (антикультура) была, так сказать, атрибутом площади, улицы, базара (ср. эпитет *площадной*, сочетающийся обычно с такими определяемыми, как *брань*, *ругань*). Грязное слово прежде, когда общество и власть считали необходимым защищать нравственное чувство читателя, не могло быть печатным (и появление издаваемых тысячными тиражами книг с выражениями, которые всегда в нашей культуре назывались непечатными, вряд ли отражает позитивные тенденции в этой сфере).

Радио- и телеэфир также были защищены от площадной лексики (но не речевой агрессии – вспомним хотя бы кампании осуждения, обструкции инакомыслящих и диссидентов, организуемые по указке партийного руководства послушными СМИ, а еще ранее – организованную по инициативе Сталина беспрецедентную по степени агрессивности травлю представителей старой большевистской верхушки).

Впрочем, в известной мере и нынешние радио и телевидение заботятся о внешней респектабельности, заглушая в эфире звуковым сигналом (писком) грязную ругань (или закрывая определенные части обнаженных тел). Тем не менее то, что выше было определено как речевая антикультура или нулевая культура, представлено гораздо шире, чем раньше, и на газетной полосе, и в различных теле- и радиопрограммах (разного рода ток-шоу, реалити-шоу и т.п.).

Вряд ли для многих из нас новостью будет то, что даже в государственных (общественных) СМИ, включая центральные телеканалы, за последние пару десятилетий заметно понизился уровень речевой культуры. Произношение дикторов далеко от старшей нормы (что было обязательным условием работы на радио в советское время), речевые ошибки (*заняться*, *одеть* вм. *надеть*, *включит*, *заклучим договора*) встречаются в речи не только интервьюируемых, но и самих журналистов, телеведущих.

Что касается Интернета, то на многих его страницах (сайтах, порталах, блогах) авторы в основном ориентируются на сложившиеся в дан-

ной лингвокультуре нормы речевого этикета. Это касается, в частности, новостных сайтов, блогов известных политиков, деятелей культуры. Однако существует немало таких сегментов Интернета, где речевые нормы и традиционные правила этикета либо намеренно нарушаются, либо не соблюдаются по причине невладения ими.

Для того чтобы понять, насколько *язык вражды и ненависти* свойствен современному миру, желательно изучить эту тему на материале разных лингвокультур. С этой целью мы решили сопоставить русский, польский и немецкий сегменты Интернета, имея в виду в перспективе поиск ответов на следующие основные вопросы:

– Каковы мотивы и интенции порождения текстов, реализующих враждебность?

– Каков социальный статус автора интолерантного текста и каковы его ценностные ориентации?

– Каковы социальные характеристики (включая этническую принадлежность) адресата враждебного текста (жертвы речевой агрессии)?

– Какие средства – вербальные и невербальные – использует автор экстремистского текста для достижения своих коммуникативных целей?

– Как часто тексты такого рода оказываются в противоречии с нормами гражданского или уголовного законодательства (т.е. могут быть признаны речевым правонарушением)?

– Каковы критерии, в соответствии с которыми порождение тех или иных текстов может быть признано речевым правонарушением? В частности, как часто на немецких, польских и российских сайтах встречаются выражения, которые юристы могут квалифицировать как оскорбление (как негативные оценки, имеющие «неприличную форму»)?

– Какими должны быть способы и средства противодействия речевой антикультуре в Интернете?

– Что в исследуемом плане объединяет русский, польский и немецкий сегменты Интернета, а что является специфичным?

В качестве примеров проявления речевой антикультуры в Рунете рассмотрим комментарии пользователей к информационному сообщению о серии нападений на полицейских, произошедших в Москве (URL: <http://news.gambler.ru/10242059/>, дата обращения: 19.06.2011). (Непечатная лексика в этих примерах заменена знаком ●, уничижительные номинации представителей этнических и социальных групп – знаком ■, собственные имена и производные от них замещены литерой

N, вместо общепринятого литературного обозначения этнических групп используется буква X).

Alex bellkov

Любого ■ даже после мелкого административного нарушения нужно пожизненно выселять на историческую родину – без права появления в России. Страну давно пора почистить от мусора.

Подумаю Завтра

Кто из ■ уважает наших ■, они их знают, как никто. «Пострадавшие» ■ пожалуются своим диаспорским боссам и наши ■ будут обязаны просить прощения за притеснения на национальной почве.

Юрий Михайлович Кац

Совсем ● ■! Сделать визовый режим, чтобы на работу приезжали только по приглашению работодателя. В случае нарушения режима отправлять в родную ■, горы охранять. И запретить пожизненно въезд на территорию РФ, даже транзитом. Только так с ними надо поступать. Из всех приезжих, по-моему только X понимают, на каких условиях они здесь находятся, поэтому особо не **борзеют**. Остальным нужно урезать права до минимума.

Кирилл Бобриков

Из четырех описанных преступлений 50% совершили X (приезжие, ■) – и нас хотят заставить быть толерантными? Да пошли они...

Маман, зачем ты меня родила?

Сколько надо надавать оплеух полиции, чтобы они поняли, что ■ – суть порождение дьявола?

Умница Красавица

Пора в ящик

Евгений

● а как вы думали, всю жизнь курить, бухать, кавалэров менять, ● расплачиваться надо за это только здоровьем...

Птица

[О скончавшемся ученом] Написал всякое ● для избранных... Этот ваш N тоже лечился от сифилиса четвертой стадии...?

Заметим, что для авторов подобных текстов характерен и низкий уровень знаний и грамотности, весьма частотны орфографические ошибки (т.е. с речевой антикультурой «гармонично» сочетается нулевая культура речи); ср.: мы згнили, веры вам нет не какой, те не дерутся, поучится все таки нужно вам.

К приведенным примерам добавим ряд комментариев к сообщению агентства «Интерфакс» («Московская милиция опасается несанкционированных акций радикальной молодежи в пятницу»):

Александр Невский

Зашевелились **уныри**, забегали, земля уходит из под ног так это не ваша земля... домой пора вам ■.

Александр

У N ● А оно и понятно. Когда тебя хотят убить 140 млн. людей.

Миша Кроха

...Ну ● мимо нас трубопровод тянут, я с кентами договорился как его закапают, будем взрывать, достали эти политики, на нас им реально ●.

Емельян Пугачёв

Первое – это собрать всех вагалов и отправить обратно... И второй вариант – собрать всех ■ и отправить в печи... Что не нравятся мои предложения?

Емельян Пугачёв

Кто согласен и не равнодушен к будущему страны – помогайте мне поднимать народ... Предлагаю конкретно выйти [указывается время и место] и сказать **НЕТ N режиму**.

Велика доля в блогосфере Рунета экстремистских текстов. Особой враждебностью отличаются тексты, размещаемые на страницах нацистских порталов:

убей ■ - защити Россию!!!

что за это с ними делать? Спокойно убивать;

убивайте X убивайте X убивайте X убивайте ■;

● я вашего... [имя Бога в чужой религии] ● я вашего... ● я вашего... ● я вашего... хороший ■ – мертвый ■;

■ ●, ●●, ● меня уже, ●●, пускай ●, ● валить их надо

■ ●, ●● отсюда в свою ●... Мы вас всех перегасим ●, запомните и ваши ● могилы ● [загадим].

На одном из экстремистских сайтов размещена фотография милицейской машины с надписью: «Дежурная часть Пыталово». Над фотографией бранное высказывание. Все это, естественно, предопределяет модальность высказываний, появляющихся в поле комментариев:

Всех ментов на кол!!!

Все менты ●●●

●●● эти менты, сгнили бы ●●, просто всех повесить и расстрелять.

Невраждебные комментарии – это скорее исключение, чем правило.

Вот еще несколько показательных примеров, извлеченных с портала Rambler (комментарии на сообщение «Колокольцев опроверг слухи о ПИ-

коротышка является типичным примером материала в диктаторы, к счастью, много «**мохеров**» отпадает, и шансы **яркача** уже не настолько велики, чтобы он снова дорвался до власти (результаты его деятельности как премьера не так легко забыть!!!).

@puszka-3

*Jaki dyktator. Socjopata. Swój ciągnie do swego – stąd obecność **miernot** (=посредственность) w jego otoczeniu. Prócz tego **doopa** (=dupa) wołowa nie polityk – «Какой диктатор. Социопат³. Свой тянется к своему (≈ Рыбак рыбака...) – потому столько **посредственностей** в его окружении. И в остальном – **бычья ж...**, а не политик».*

pregierz

*To teraz sądzia już nie będzie wydawał wyroków w imieniu państwa polskiego tylko w imieniu ojca, syna i ducha świętego. **Prawdziwy-moher** – «Сейчас судья уже не будет выносить приговоры от имени польского государства, но лишь от имени отца, сына и святого духа. Настоящий «**мохер**».*

nelson.pl

*Bójcie się panowie prokuratorzy i sędziowie prowadzący sprawy związane z kościołem rzymskim i **zbożeńcami w koloratkach**⁴. Być może za wyrok niezgodny z prawem kanonicznym i odczuciem pana księdza czy biskupa wylądujecie na Syberii – «Берегитесь, господа прокуроры и судьи, расследующие дела, связанные с католической церковью и «**извращенцами в рясах**». Быть может, за приговор, не согласующийся с каноническим правом и представлениями ксендза или епископа, окажетесь в Сибири».*

wojec

*Uderz w stół...- czas tę **bandę oszustów i naciągaczy** jaką są w swej większości **prawnicy pogonić!!!** – «Стукни по столу... – пора гнать эту банду **мошенников и жуликов**, какими являются в большинстве своем юристы».*

pandzik

*Prawnicy to **szuje**, o nich się nie martwię, ale wzrost pozycji kościoła będzie znaczący i to jest **niebezpieczne** – «Юристы – это **негодяи**, они меня не волнуют, но рост влияния церкви будет значительным, и это опасно».*

kiki_pawelek

*"Czekam na finał działań prokuratury w tej sprawie" – my też, i tam nadzieję że to co ten **wymoczek** (=дохлятина) powiedział i napisał zostanie należycie ukarane – «Жду окончания действий прокуратуры в этом деле – мы тоже надеемся, что за то, что этот "**дохлятина**" сказал и написал, он получит надлежащее наказание».*

tomitoms

@ani.a83

*widać **ograniczenie umysłowe u siebie** – «Видать у тебя **умственную ограниченность**».*

tomitoms

@gebe14

*gebe następny **idiota to że masz zamiast rozumu mąkę w mózgu to też wina katotalibów?** – «gebe очередной **идиот**; то, что у тебя вместо ума **мука в мозгу**, – это тоже вина **катоталибов?***

andrzej_z_dzialdowa

*Paradowska = **alkoholica!!!***

(Paradowska – известная журналистка)

4skorpion4

***Po co nam tu obcy...** Kto nie czuje się Polakiem niech wyjedzie z Kraju. **uzbrojeni w palki i jakieś tam narzędzia niemcy to fakt pokojowo nastawieni ludzie co przyszli nam przynieść wolność he he** – «Зачем нам здесь чужие... Кто не чувствует себя поляком, пусть уезжает из Польши. Вооруженные палками и какими-то там орудиями – это миролюбивые люди, которые пришли к нам свободу дать, хе-хе».*

4skorpion4

*Co Ci niemcy **delikatnie mówiąc** robili w Polsce? Mają swój Kraj i swoją **nipodległość**. Policja nawet nie powinna ich **chronić**. Chcieli **zadymy to powinni ją mieć**. To nasze święto – «Что эти немцы, мягко говоря, делали в Польше? У них свое государство и своя независимость. Полиция не должна даже их охранять. Хотели драки, должны получить ее. Это наш праздник».*

nicke79

*"wszechpolski **Śląsk**"!?! Ha ha ha ha, a co to Śląsk taki wielki, że rozrósł się na inne regiony Polski czy też reszta kraju gdzieś znikła i skurczyła się do Śląska? Czy **odmóždzeni prawdziwi polnische Patrioten** są na **środkach** zmieniających świadomość, bo trudno uwierzyć, że sami z siebie robią takich **idiotów** – «Всепольская Силезия!?! Ха-ха-ха-ха, а что, Силезия такая большая, что разрослась на другие регионы Польши или же остальная Польша исчезла куда-то, ужалась до Силезии? Неужели безмозглые настоящие polnische Patrioten используют средства, изменяющие сознание, ведь трудно допустить, что они сами из себя делают таких **идиотов**».*

Стоит обратить внимание на некоторые цифры, касающиеся этнической враждебности в польском Интернете. В апреле 2011 г. Фонд «Wiedza Lokalna» под руководством доктора М.Трошиньской с целью выявления в польском Интернете текстов, выражающих враждебность по отношению к этническим, религиозным, сексуальным и иным меньшинствам, исследовал почти 10 млн постов (forum.onet.pl, forum.wp.pl,

forum.gazeta.pl). Из них тех или иных социальных групп (меньшинств) касалось чуть более 1,43 %, но свыше половины этих высказываний (85596 постов) в той или иной степени могут быть отнесены к дискурсу вражды и ненависти (подчеркнем, что это составляет всего 0,86% от общего количества просмотренных постов) [<http://www.raportmniejszosci.pl/web/s/dotyhczasowe-wyniki>].

Явления речевой антикультуры характерны – пусть и в меньшей степени – и для немецкого сегмента сети (по аналогии с неологизмом *Рунет* его можно назвать *Denetz*), в котором на многих сайтах также появляются социально опасные тексты. Мы имеем в виду, в частности, праворадикалов и их последователей, дислоцирующихся, как правило, в социальных сетях Denetz-a. В апреле 2010 г. газета национал-социалистической партии Германии «Deutsche Stimme» призвала к распространению своих идей через социальные сети. Для неонацистов Интернет оказался совершенным «оружием пропаганды», как они сами его называют. С помощью Интернета они рассчитывают привлечь на свою сторону больше людей, чем традиционными способами.

По данным ведомств по охране конституции ФРГ число правоэкстремистских сайтов выросло с 32 в 1996 г. до 1872 в 2010 г. Однако не все они хорошо посещаются. К числу наиболее популярных относятся такие интернациональные проекты, как «Altermedia» и «Stormfront». Многие из немецких сайтов создаются через провайдеров в Америке, так как там, в отличие от Германии, правоэкстремистские и расистские лозунги не являются уголовно наказуемыми.

При этом, подчеркнем, чтобы не быть подвергнутыми уголовному преследованию (Ст. 130 УК ФРГ содержит санкции за разжигание межэтнической вражды, оскорбление и унижение человеческого достоинства), праворадикалы прибегают к тактикам и приемам не прямой коммуникации, используя собственный языковой код. Они избегают открытых призывов экстремистского характера, угроз и оскорблений, предпочитая использовать приемы косвенного воздействия, такие как намеки, игра слов, порождая в результате далеко не безобидные смыслы, воспринимаемые в том или ином контексте вполне однозначно. Ср. примеры экстремистского «словотворчества», находящие в Интернете быстрое распространение: USrael, Asylbetrüger (=Asylмошенник), Inlanderfreundlich ('приветливый к иностранцам', по контрасту с определением «ксенофобский») и др.

Помимо этого, праворадикалы используют большое количество разнообразных символов, опознавательных знаков и кодов. Многие из них нелегко распознать как праворадикальные (что, кстати, не делает их менее эффективными, наоборот, может усилить идеологическое воздействие на тех, кто угадывает скрытый смысл этих символов).

Приведем наиболее показательные примеры правоэкстремистских кодов.

Акронимы (аббревиатуры):

WAW – «Weißer arischer Widerstand» («Белое арийское сопротивление»)⁵. Служит в качестве идентификационного признака готовых к насилию правоэкстремистских группировок.

Цифровые коды (как правило, это те же акронимы, в которых буквы, начинающие зашифрованное слово, заменяются цифрами, указывающими на место этих букв в латинском алфавите):

18 = AH – Adolf Hitler.

88 = HH – Heil Hitler или SS (если считать от конца алфавита; изображается часто с лавровым венком).

28 = BH – Blood & Honour (название неонацистской сети, запрещенной в Германии с 2000 г.).

74 = GD – Großdeutschland (Великая Германия).

124 = ABD – Ausländerbefreites Deutschland (Освобожденная от иностранцев Германия).

19-8 = SG – Sieg Heil.

444 = DDD – Deutschland den Deutschen (Германия для немцев).

Нередко неонацистские цифровые коды используются в никах, например: Freya88 (=Freya Heil Hitler), Odin88, Walküre28 (=Walküre Blood & Honour).

Посетители правоэкстремистских порталов используют и другие ники символического характера, позволяющие опознать в их владельце адепта неонацизма, например: Legionär, Grenzfänger, Saaledivision («милитаристские» ники); Weltfaschist, Adolf18, Nationalist, HaSSan и другие, указывающие непосредственно на принадлежность к неонацистскому движению; Raginhild, Mjöltnir, Asentreu, Nordischer Engel, Ahnenblut, Eiserner Adler, Adlerfisch и другие, относящиеся к германской мифологии.

Праворадикалы нередко используют в Интернете выражения, создающие пресловутый «образ врага» (*Feindbilder*): *Systempolitiker* или *Systemparteien* (для характеристики оппозиции политической системе Германии и демократии); *Besatzerregime* («оккупационный режим» – ФРГ как нелегитимная зона оккупации Третьего рейха

союзниками), *Multikulti-Extremisten*, *Multikulti-Umerzieher* (иронически о противниках экстремизма и защитниках демократии). Нередки и антисемитские коды: *USrael* (= USA und Israel), *gewisse Minderheit* («известное меньшинство» – евреи), *amerikanische Ostküste* («американское восточное побережье» – намек на размещающиеся в Нью-Йорке еврейские организации, которые в соответствии с теорией заговора оказывают влияние на мировое развитие), *Z.O.G.* (= *Zionist Occupied Government* – «сионистское оккупационное правительство»), *Jew ess ey* – неонацистское толкование аббревиатуры USA.

Своеобразным опознавательным знаком неонацистов является буквенное сочетание «oi», используемое вместо традиционного «eu», восходящее, очевидно, к субкультуре скинхедов, которые так обозначают свою музыку (производное от joy, т.е. Freude – «радость»); напр.: *Doitschland*, *Doitsche Patrioten*, *Kraft durch Froide*, *Kroizzug*, *Noie Werte* и др.

В последние месяцы в немецком Интернете можно наблюдать противоречивые явления. С одной стороны, усиливается активность организаций, выступающих против ущемления прав мусульман и запретов отправлять религиозные ритуалы. Так, по мнению Amnesty International, многие европейские государства должны усилить борьбу против антимусульманских предрассудков. С другой стороны, активизируются немецкие исламисты, в особенности, представители радикальных направлений в исламе. Так, австрийский салафит Мохамед Махмуд отвергает немецкую конституцию и призывает к насильственному свержению демократического строя. Открыто проповедуя вооруженный джихад, он заявляет о своей готовности бороться и умереть за свои убеждения и призывает: «Объясните своим детям, что такое джихад».

Боннский исламист Ясин С. (Yassin C.) в своем видеопослании открыто призывает к проведению террористических актов в Германии, в качестве целей нападения называя, например, ночные клубы, рестораны и поезда. При этом эксперты оценивают опасность терактов как в высшей степени реальную.

В комментариях к статьям и материалам на тему исламизма особенно часто проявляется речевая агрессия как с той, так и с другой стороны. При этом такого рода комментарии в наименьшей степени подвергаются модерированию, в результате чего высказывания пользователей содержат оскорбления, угрозы, а порой вообще переходят грань цензуры.

Приведем характерные примеры:

Auslaenderfeind, Ha S S Leute, gewaltbereite Salafisten, sollte die nicht rechsextreme aber islamfeindliche pronrw..., diese verfluchten sekten, wir ja diese islamhasser ..., slafisten einen deutschen pass haben, Asylbewerber, die Salamis, die nicht integrationswilligen Moslems.

Негативно-оценочные суждения нередко граничат с оскорблениями, ср.:

Markaurel

Mal ehrlich, warum sollten wir vor solchen absurden Typen Angst haben?

Da finde ich Gundeley Gaukelei, die Kräuterhexe und Intimfeindin von Dagobert Duck viel bedrohlicher.

fietel

Ja bildest du dir ein so ein Vollpfropfen geht arbeiten?????

fietel

Das ist an zunehmen denn den Stinkern ist es egal wie sie auftreten, Hauptsache provozieren.

cakisak

du schwuler hund wer hat die angegriffen wenn ich sie gesehen hätte wär die ein kopf kürzer !!!

@TasminaSabrina

Der Islam und Koran bestehen nur aus Lügen – «Ислам и Коран состоят только из вранья».

@TasminaSabrina

du bist eine dumme Muselima (ты глупый мусульманин)

@TheBozkurtBoss

du kriechst schon wie ein Reptil, vor deinem Allah den Teufel – «ты ползаешь как рептилия перед твоим аллахом ...

fiegis5

halts maul huensohn – «заткнись, сукин сын...»

fiegis5

Der Koran und Islam stammen von Teufel

Посты, содержащие экспрессивные отрицательно-оценочные высказывания, перемежаются с прямыми призывами экстремистского характера, например, требованиями изгнать мусульман и вообще выходцев из Азии:

Tommy:

Weist diese Typen doch endlich mal aus! – «Выдворите, наконец, этих типов!».

Adlerauge

Jagt alle davon, Bürger wehrt euch in Deutschland, in ganz Europa. Die Salamis haben nichts Gutes im Sinn – «Выгоните всех вон. Граждане, защищайтесь в Германии, во всей Европе. "Саламщики" не имеют ничего хорошего в мозгах».

Obelixus

Wem es hier in Deutschland nicht gefällt, AB IN DIE HEIMAT, GO home! – «Кому не нравится здесь, в Германии, вон на свою родину, go home!».

Иногда отрицательно-оценочный модус реализуется как боязнь прослыть расистом:

Bart

Nun aber bloss still sein, sonst wird man direkt als Rassist beschimpft wenn man von "Ausweisung" oder "Festnahme" spricht...

Kann mich nur anschliessen... ARMES Deutschland – «Только помалкивать, иначе обзовут расистом, если только заговоришь о выдворении или аресте... БЕДНАЯ Германия»

Olaf Metzger

na wo is der kampf gegen rechts? oder past das nicht ins feindbild? ist rechts nur böse wenn es von Deutschen kommt... fragen über fragen – «... "Правое", видимо, является злом только когда исходит от немцев».

В пространстве Denetz-a (как и других национальных сегментов Интернета) заслуживает внимания еще одно явление, на первый взгляд к речевой антикультуре прямого отношения не имеющее, но и положительной оценки отнюдь не заслуживающее. Имеются в виду комментарии обывателей, в которых одобряется противостояние различных деструктивных сил. Ср., например:

Lumpi

... ich danke den Polizisten, die ihren Kopf dazwischenhalten. Wobei: wenn Salafisten und Nazis sich gegenseitig plattmachen würden, hätten wir 2 Probleme weniger.. – «...когда салафиты и наци уничтожат друг друга, у нас будет двумя проблемами меньше...».

hanz

Kann man nicht einfach die Polizei mal ne Stunde zurückhalten damit sich dumme Nazis und blödes Salafisten gegenseitig umbringen können?

Wir hätten direkt 2 große Probleme weniger... – «Нельзя ли придержать полицию на часок, чтобы глупые наци и тупые салафиты могли уничтожить друг друга? Мы бы как раз избавились от двух больших проблем».

Lumpi

...ich danke den Polizisten, die ihren Kopf dazwischenhalten. Wobei: wenn Salafisten und Nazis sich gegenseitig plattmachen würden, hätten wir 2 Probleme weniger.. – «Я благодарю полицию... Когда салафиты и наци уничтожат друг друга, у нас будет двумя проблемами меньше».

Сравнение враждебных высказываний в текстах русских, польских и немецких порталов Интернета весьма показательна. Степень инвективности, оскорбительности таких текстов в Рунете, без сомнения, существенно выше. Даже без учета непристойных слов (замененных знаком ●) большинство комментариев на российских порталах демонстрируют более высокий уровень речевой агрессии, так как содержат немало иных, так сказать, печатных, отрицательно-оценочных средств (они выделены полужирным шрифтом). Многие посты в российской части Интернета вообще по содержанию не являются комментариями каких-либо событий или высказываний, а порождаются исключительно с целью выразить враждебность, нанести оскорбление, призвать к насилию и т.п.

Более высокий уровень речевой культуры в польском и немецком Интернете, в немалой степени это обусловлено разумной политикой властей и общественности. Так, в последнее время в немецком сегменте Интернета активно разворачивается борьба против экстремизма. В частности, появляются специальные сайты, призывающие к противодействию экстремизму в Интернете; например:

NETZ-GEGEN-NAZIS.DE

Mit Rat und Tat gegen Rechtsextremismus [www.jugendschutz.net/hotline].

Как правило, комментарии пользователей к политическим статьям носят аналитический характер: они относятся к содержанию комментируемых статей, представляя собой рассуждения, размышления о тех или иных событиях, иногда с историческим экскурсом, причем этот анализ весьма редко сопровождается эмоциональными оценками комментатора.

Без сомнения, постов, содержащих враждебные комментарии, было бы больше, если бы модераторы не проводили жесткий отбор входящих на сайт текстов, не допуская на нем не толь-

ко проявлений экстремизма, но порой даже обычной критики.

В немецком Интернете функционирует так называемый Netiquette (интернет-этикет), который требует соблюдения двух основных правил поведения в сети: приветствуются критические дискуссии и комментарии, которые носят деловой характер и тематически имеют непосредственное отношение к содержанию комментируемого материала; запрещены и моментально удаляются модераторами комментарии, содержащие оскорбления и ругательства. Девиз Netiquette: «Пожалуйста, помните, что по другую сторону находится человек». Первый постулат Netiquette гласит: *Keine Diskriminierungen und Beleidigungen – Никакой дискриминации и оскорблений.*

Другие постулаты требуют от пользователей сохранения дружелюбного и уважительного тона в комментариях, их релевантности, а также отказа от иронии в высказываниях во избежание двусмысленности и недопонимания.

Вот некоторые примеры:

Entfernt. Bitte richten Sie Kritik an der Moderation an community@zeit.de und halten Sie sich an die Netiquette. Die Redaktion/lv – «Удалено. Пожалуйста, направляйте критику модераторам по адресу... и придерживайтесь этикета в сети. Редакция»;

Entfernt. Bitte vermeiden Sie unsachliche Spekulationen. Danke. Die Redaktion/lv – «Удалено. Пожалуйста, постарайтесь избегать излишних спекуляций. Спасибо. Редакция»;

Entfernt. Bitte beteiligen Sie sich sachlich. Danke. Die Redaktion/er – «Удалено. Пожалуйста, участвуйте конструктивно. Спасибо. Редакция».

Примечания

¹ Работа издается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-14-59010а/У.

² «Мы используем 7 местоименных заменителей 2-го л. Все они могут сочетаться с 3-м л. ед. ч. сказуемого, что является наиболее общей формой выражения уважения... : *Czy pan // obywatel // kolega // towarzysz* [в ПНР] // *druh* [у харцеров] // *ksiądz // ojciec przyjdzie?*» [Pisarkowa 1979: 8].

³ *Социопатия* – термин, возникший по аналогии с термином *психопатия*; психическое отклонение, распад личности, проявляющийся в антисоциальном поведении (для *социопата* характерно игнорирование этических и правовых норм, нежелание соблюдать нормы общежития, конфликтность, отсутствие чувства сострадания и т.п.).

⁴ *Колоратка* – белый жесткий воротничок, надеваемый католическими и протестантскими священниками.

⁵ Название организации копирует английское обозначение возникшего в США расистского движения WAR – «White Aryan resistance».

Список литературы

Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2002. 464 с.

Мишланов В.А. Речеведение по-польски, или «Грамматика вежливости» // Речеведение. Науч.-метод. тетради. №2. Великий Новгород, 2000. С.28–40.

Мишланов В.А. Стереотипы фатической коммуникации (на материале польского и русского языков) // *Studia Rossica Posnaniensia. Zesz. XXX. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza. Poznań, 2002. S.125–134.*

Мишланов В.А., Салимовский В.А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / отв. ред. И.Т.Вепрева, Н.А.Купина, О.А.Михайлова. Екатеринбург: УрГУ, 2006. С.56–66.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани. СПб.: Норинт, 2003. 448 с.

Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле // Фатическое поле языка: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. С.9–14.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.

Салимовский В.А. Культура речи и антикультура // Дискурс, культура, ментальность / отв. ред. М.Ю. Олешков. Нижний Тагил, 2011. С.34–50.

Сиротинина О.Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000. С.240–250.

Толстой Н.И. Язык и культура // Русский язык и современность. М., 1991. Ч.1. С.5–22.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М.: Прогресс, 1975. С.193–230.

Grodziński E. Rola formuł grzecznościowych w językach współczesnych // *Poradnik językowy. 1977. Z.7. S.305–310.*

Doroszewski W. O kulturę słowa. *Poradnik językowy, t. 2.* Warszawa, 1968.

Huszczka R. O gramatyce grzeczności // *Pamiętnik Literacki LXXI, 1980. Z.1. S.175–186.*

Łoś J. *Od ty do pan* // *Język polski III. 1916. S.1–10.*

**Вавилина Т.Ю., Мишланов В.А., Шиморек Я. РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА И АНТИКУЛЬТУРА
В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

(на материале текстов русского, польского и немецкого сегментов Интернета)

Pisarkowa K. Jak się tytułujemy i ywracamy do drugich // *Język polski* LIX. 1979, 1. S.5–17.

Stone G. W sprawie charakterystyki gramatycznej wyrazów *pan, pani, państwo* // *Studia*

z filologii polskiej i słowiańskiej, t. 20. Warszawa, 1981. S.39–43.

**SPEECH CULTURE AND ANTICULTURE IN CONTEMPORARY MASS MEDIA
(on the data of Russian, Polish and German texts from the Internet sections)**

Tamara Yu. Vavilina

Head of German Philology Department
Perm State National Research University

Valery A. Mishlanov

Professor of Speech Communication Department
Perm State National Research University

Jacek Szymorek

Assistant of Speech Communication Department
Perm State National Research University

In the article an attempt is undertaken to solve two theoretically significant problems: 1. To define the terms “speech culture” and “anticulture” in the context of the conceptions of contemporary Speech Study; it is revealed that phatic speech genres, alike the informative ones, may contrast according to the communicative purposes; and to realise the purposes each language has its own special “grammar of politeness”; and 2. To analyse the communicative-speech characteristics of the texts of the contemporary cyberspace, realizing in various ways hostility and speech aggression; thematic groups, determining the revealing of speech aggression are identified, and language means and communicative devices used to express hostility used in Russian, Polish and German sections of the Internet are compared.

Key words: Internet communication; culture of speech; speech anticulture; hostility discourse; extremism.